

Валерий Брюсов

ЮПИТЕР ПОВЕРЖЕННЫЙ

УДК 82-311.6

ББК 84-4

Б89

Брюсов, В. Я.

Б89 Юпитер поверженный / В. Я. Брюсов. – М. : Т8RUGRAM, 2017.
– 148 с.

ISBN 978-5-521-78635-0

«Юпитер поверженный» представляет собой черновой вариант незавершенного романа русского поэта-символиста Валерия Яковлевича Брюсова и является продолжением одного из его самых знаковых произведений – «Алтарь Победы».

Роман написан в лучших традициях античных трагедий, включающих в себя роковые встречи, смерти близких людей, любовную линию и закулисные интриги. Язычество уступает место христианству, а главный герой – римлянин Юний – становится... иноком Варфоломеем...

УДК 82-311.6

ББК 84-4

BIC HBT

BISAC FIC014000

ISBN 978-5-521-78635-0

© Т8RUGRAM, оформление, 2017

Содержание

Книга первая

I	5
II	6
III	9
IV	14
V	21
VI	27
VII	33
VIII	38

Книга вторая

I	46
II	50
III	55
IV	59
V	65
VI	71
VII	77
VIII	79
IX	84
X	92
XI	95
XII	102
XIII	107

Книга третья

I	115
II	117
III	122
IV	129

V.....	133
VI.....	135
VII.....	139
VIII.....	143
IX.....	147

Книга первая

I

Во имя Отца и Сына и Святого духа! Я, кого прежде звали Децимом Юнием Норбаном, ныне смиренный инок Варфоломей, недостойный член братства в Высшем монастыре, на Лигере,^{*} славной по всему Западу обители, коей начало положил сам незабвенный подвижник и наш патрон Мартин из Турон, ныне уже почивший в Боге, — приближаясь к концу моего земного странствия, когда предстоит мне скоро дать ответ за все содеянные мною прегрешения пред Судьей нелицеприятным, вознамерился в этих книгах описать, ничего не утаивая, до каких страшных пределов падения я доходил и каким путем неизреченная милость Спасителя нашего привела меня к покаянию, истине и жизни новой. Помимо того, что история обращения от идолопоклонства, когда-то казавшегося мне единой божьей правдой на земле, к вере и упованию во Христа, истинный светоч мира, может быть полезна для умов колеблющихся, донныне не воспринявших в полноте откровения о спасении рода человеческого через крестную смерть господя нашего, — еще я думаю, что должно мне искупить один из тяжких грехов моей юности, в том состоящий, что в других книгах я изложил буйные приключения, пережитые мною в ранние годы, и тем, может быть, соблазнил единого из малых, ибо, в своем тогдашнем безумии, представлял в своих писаниях веру заблуждавшихся предков наших и служение кумирам, как нечто даже превосходящее учение святой церкви Христовой. Кроме того, самые те события, которые я хочу изобразить по мере моего умения, были и замечательны и важны, и заслуживают памяти, хотя в то же время и в высшей степени прискорбны и достойны всяческого осуждения, так как мне довелось видеть

^{*} «Высший монастырь (Maius Monasterium) на Лигере — монастырь Мармутье на Луаре, основанный Мартином Турским (ум. в 401 по Р. Х.)» (прим. автора).

и самому быть «большой частью», — как говорит певец Энея,^{*} — последнего торжества в Городе,^{**} искупленном мученической смертью апостолов Петра и Павла, безумного идолослужения, попущенного Вседержителем, дабы полнее и несомненное открылась спасительная истина Христова учения, свет коего просвещает всех. А Промысл божий дает нам видеть свое явное вмешательство в судьбы земные не с тем, чтобы мы познанное таили под спудом, но дабы мы об нем свидетельствовали миру, поучая не видевших.

Однако, чтобы понятно было читателю, почему я действовал так, а не иначе, и чтобы ясно стало мое душевное устройство того времени, мне должно вкратце объяснить, кто я, откуда родом и как провел жизнь.

II

Если бы земные почести еще могли меня занимать, не без гордости я сказал бы, что предки нашего рода были известны еще до времен царей, потому что мы, Юнии, ведем наше происхождение от Юна, с благочестным Энеем прибывшего в Лавинийскую землю,^{***} и добавил бы, что первой славой покрыл себя наш род при царях, напомнив имя Марка Юния, взявшего в замужество Тарквинию, дочь одного царя и сестру другого, того самого Марка, сын которого, называемый обычно Брутом-старшим, освободил республику от тирана, совершив дело кровавое, за которое да будет к нему милость Небесного Отца. Впрочем, надо ли Римлянам, — а к кому другому я могу обратиться эти строки? — напоминать всем памятные имена Юниев:^{****} Луция Юния Брута, одного из четырех первых трибунов народных, Децима Юния Сцеву, первого консула из нашего рода, начальника конницы при диктаторе Публии, Гая Юния Бубулька, также консуляра и начальника конницы при диктаторе Папирии, и многих других, не говоря уже о втором Бруте, грех которого

* Вергилий, «Энеида», II, 6.

** Рим.

*** Италия.

**** «Имена Юниев — Junius — известный римский gens (род) «...». Позже других упоминаются Юний Норбаны» (прим. автора).

еще тяжелее, нежели деяние его предка, потому что убийца Цезаря подымал руку на своего благодетеля и благодетеля всей империи, но который все же представлен нам историками, заслуживающими доверия, как человек с побуждениями самыми благородными. Все столетия древней республики и все столетия империи означены именами Юниев, так как наш род, разделившись на многие отрасли, давал Сенату и Августам и победоносных полководцев, и славных ораторов, и судей, и писателей: Юнии Бруты, Юнии Силаны, Юнии Перы, Юнии Пенны, Юнии Блезы, Юнии Галлионы, Юнии Гракханы, Юнии Конги, Юнии Отоны и другие — свои имена навсегда вписали в книгу, о которой говорили прежде, что ее ведет Клио.* Отпрыском того же рода были и Юнии Норбаны, поселившиеся в Галлии,** а именно в той Аквитании,** которую наш знаменитый поэт Авсоний называет «улыбчивой», и в течение ряда поколений предки мои не покидали этой, недавно еще счастливой страны, первым Цесарем соединенной в одно с сердцем империи. И если даже правы недоброжелатели нашей семьи, утверждающие, что Норбаны ведут свой род от раба, отпущенного на волю одним из Юниев Силанов, все же длинный ряд восковых изображений, украшавших атрий**** моего родного дома, свидетельствует, что мои предки, в течение почти четырех столетий, не жалея сил и дарований, служили тому, что почитали самым высоким: славе родины, и через то сделались достойными носить громкое имя, принятое ими, конечно, не без согласия тех, кому оно принадлежало.

Дед мой, носивший одно со мною имя и в памяти у меня оставшийся как добрый старец, угощавший меня лакомствами, — потому что он скончался в моем детстве, — устранился от дел общественных и посвятил себя благородному занятию сельским хозяйством,

* Клио — в греч. мифологии муза — покровительница истории.

** Галлия — в древности страна, расположенная между Средиземным морем, Альпами, Рейном и Атлантическим океаном. Римляне различали Заальпийскую Галлию (ныне Франция), Предальпийскую (Верхняя Италия), префектуру Галлии (Британские острова).

*** «Аквитания — так назывался юго-западный угол Франции, который носил это название в Докесарево Галлии. Позднее (I–III вв. по Р. Х.) понятие Аквитании было расширено почти на половину Галлии» (прим. автора).

**** «Атрий — центр римского жилища, общая зала» (прим. автора).

что и было понятно в те смутные времена, которые тогда пережила империя. Отец мой, Тит Юний Норбан, продолжал заботиться об наших, не слишком обширных, но достаточных имениях, расположенных близ города Лакторы,^{*} гордого своей древней свободой, и, отказавшись от жизни в Бурдигалах, где остались наши родственники, поселился в тиши полей, — участь, о которой мечтал Вергилий, — лишь на зиму переезжая в ближний город, где скоро, с почетом, был избран в число декурионов.^{**} Был мой отец человек нрава строгого, честности исключительной, ума ясного и проницательного, сложением высок, строен и силен, со взором суровым, но душой — милосердный, короче говоря — истинный Римлянин, каких уже мало в наши дни, и хотя не был он просвящен духом истины и светом Христова учения, я все же надеюсь, что Судия праведный не осудит его за приверженность к верованиям предков, коих он беспредельно чтит. Тем большее упование я питаю на спасение матери моей, Руфины, по своей матери из славного дома Римских Бебиев, а по отцу из достойной семьи Лугдунских Армиев, ибо мать моя, испытанная тяжкими горестями, после смерти моего отца, познала истинную веру и скончалась с именем Спасителя на устах. Оба они, и мой отец и моя мать, были люди достойные, о которых никто не скажет худого слова, и если не могли, по своему неведению, открыть мне путь к Истине, то воспитали меня в духе благочестия, доблести и честности, так что за все свои грехи, тяжесть коих сокрушает мои, уже старческие, плечи, должен на Страшном судилище нести ответ я один, как не сумевший черпать из сокровищницы добра, с детства раскрытой предо мною.

В мире и согласии жили мои родители, любя друг друга, выполняя свои обязанности пред людьми, рача о своем имуществе, вверенном им волею бога, воспитывая своих детей, как они умели лучше, и милостиво относясь к нашим многочисленным рабам и слугам, так что мне надлежало лишь следовать примеру, бывшему у меня с первых лет пред глазами, чтобы не вовлекаться в те несчастья, которые дважды в жизни поколебали все мое существо и едва не привели

^{*} Лактора — маленький город в Аквитании. Бурдигалы — город в Галлии, ныне Бордо.

^{**} Декурион — сенатор в муниципии.

меня к смерти постыдной и страшной, за коей не осталось бы мне надежды даже на неизреченное милосердие божие. Сам я, по буйству души своей, не восхотел принять этих благих уроков, и сам повел себя, в детской самонадеянности и в обольщении страстями, на край гибели, о чем ныне и хочу, со всей откровенностью, поведать тебе, о благосклонный читатель.

III

Я родился в календы^{*} февраля, в год, когда консулами были императоры Валентиниан и Валент, и был в семье третьим ребенком, первым же был брат Люций, умерший, к великому огорчению родителей, когда мне едва минуло два года, а вторым — сестра Децима Юния, бывшая старше меня на три года, ныне уже покойная и, надеюсь, обретшая спасение, ибо скончалась она, приняв ангельский чин в одном из женских монастырей Асианы,^{**} куда удалилась за своим вторым мужем. Так как рано я остался единственным сыном в семье и будущим представителем рода Юниев Норбанов, то на мое воспитание было обращено особое внимание. Отец, выступавший редко как оратор и никогда не желавший стать писателем, был, однако, человек весьма просвещенный, глубоко усвоивший ту мудрость, какую можно воспринять без содействия благодати божией из книг великих поэтов и философов Греции и Рима, и большую часть своего досуга посвящавший чтению, преимущественно склоняясь к учению древних стоиков и особенно любя творения философа Сенеки. Посему отец сумел выбрать для меня лучших учителей, каких только можно было найти в нашем городе, и сам, своими беседами и поучениями, много помогал развитию моего ума.

После того, как я научился дома чтению и письму, меня послали зимой в школу начального учителя, доброго старика Мессия, преподавшего мне начатки математики и других наук. Потом перешел я в школу грамматика^{***} Патерна, славившегося в нашей местности,

* Календы — в древнеримском календаре первые числа месяцев.

** Асиана — Малая Азия.

*** «Грамматик — философ, учитель. Школы грамматиков были в Римской империи средними учебными заведениями» (прим. автора).

который действительно умел прививать своим ученикам, как опытный садовник — деревьям-дичкам, и любовь к знанию, и нужные сведения из геометрии, истории, землепознания, наук естественных и искусств. Единственный недостаток его, что он был драчлив, и мне самому случалось получать жестокие удары ферулой по ладоням, хотя я учился хорошо и за свои сочинения не раз получал в награду книги. Еще после того, отец пожелал, чтобы я, раньше, чем ехать к кому-либо из реторов, учился еще у лакторского грамматика Агапита, грека по рождению, но Римлянина по языку и по духу, почитавшего себя очень ученым и похвалявшегося, что он ни в чем не уступает реторам. Агапит в самом деле знал многое, но уроки его вряд ли были полезны для всех его слушателей, так как он постоянно отвлекался в область чистой реторики и нам, мальчикам, всего охотнее толковал творения великих поэтов и ораторов или развивал перед нами учения философов. Но мне, по счастью, были даны от господ бога хорошие способности и умение все схватывать и понимать быстро, так что за те полтора года, что я посещал Агапита, я все же успел научиться у него многому и, — хотя позднее не закончил вполне образования в реторской школе, по праву уже не мог почитать себя невеждою. Впрочем, способствовало тому и то обстоятельство, что в нашем деревенском доме была большая библиотека, которую я, будучи любознателен и рано пристрастившись к чтению, прочел едва ли не всю.

Впрочем, пусть читатель не подумает, что все мое детство было посвящено учению и что в ранние годы меня ничто, кроме книг, не занимало. Напротив того, я был ребенком скорее шаловливым, летом неустанно упражнялся и в верховой езде, и в охоте, и в рыбной ловле, в игре в трох,^{*} в кубарь и в треугольник, умел быстро бегать, ставить силки для птиц, владеть самострелом и домой нередко возвращался с синяками, полученными мною от падения или даже в кулачном бою со сверстниками. Отец смотрел на мои проказы снисходительно, потому что силу тела почитал наравне с силой ума, и останавливал мою мать, когда она начинала попрекать меня словами: «Женщины этого не понимают». Однако столь же рано предался я проказам иного рода, о которых ныне должен говорить со стыдом,

^{*} Трох — обруч для катания.